

На перекрестке кавалькада начала распадаться: байкеры разъезжались кто куда, по домам да к мамкам.

Кто-то напоследок крикнул Ань Эню: «Сноха, бывай!», но тот не успел и рта раскрыть, как крикун получил от сидящего сзади друга затрещину по затылку: «Рули давай! На дорогу смотри!»

Большинство свернуло в сторону «городской деревни», где улочки были совсем узкими.

Лишь Су Хэлэн вез Ань Эня дальше. Миновав несколько светофоров, они заехали в жилой микрорайон.

Ань Энь слез с байка и наблюдал, как Су Хэлэн ставит Девяточку на подножку в крытом паркинге.

— Пошли, женушка, поднимаемся.

Су Хэлэн шагал впереди, а Ань Энь шел следом, всё ещё не забыв ту газету. Он спросил:

— Су Хэлэн, а какое у тебя образование?

— В одиннадцатом классе бросил, — Су Хэлэн на миг притормозил. — А что?

Ань Энь не унимался:

— А почему бросил?

Поднявшись на нужный этаж, Су Хэлэн достал ключи и буднично ответил:

— Учеба не лезла, из-за чего еще?

— Но у тебя такой красивый почерк... Тебя кто-то учил?

Дверь открылась. Когда они зашли внутрь, Су Хэлэн запер замок и обернулся к Ань Эню:

— ...У меня? Красивый почерк?

— Ну да. Тебе никто об этом не говорил? Я в свое время столько прописей исписал — целую комнату завалить можно, а всё равно так красиво, как ты, не пишу.

Су Хэлэн усмехнулся:

— Женушка, у тебя что, другие поводы для комплиментов кончились?

— Я серьезно говорю...

Су Хэлэн не придавал его словам значения. Пока он присел, чтобы переобуться, Ань Энь снова заметил у шкафа для обуви те самые лишние тапочки.

Он невольно покосился на дверь спальни, которую в прошлый раз не смог открыть. Она всё так же была плотно заперта.

Но если тапочки стоят у порога, значит, хозяин ушел?

Ань Энь указал на них и осторожно спросил:

— Это ты мне их купил?

Су Хэлэн глянул вниз, и на его лице появилось такое выражение, будто по нему таракан ползет. С крайним отвращением он подхватил тапки, открыл входную дверь и вышвырнул их вон.

Тапочки, кувыркнувшись в коридоре, сиротливо замерли подошвами кверху.

— Нет. Брат мелкий иногда заваливается, это его, — ответил Су Хэлэн.

— Брат? — изумился Ань Энь. — У тебя одиннадцать старших братьев, так еще и младший есть? Ты что, не самый младший в семье?

— Один младший, — сказал Су Хэлэн. — Так что я, получается, предпоследний.

Ань Эню до смерти хотелось разузнать всё о семье Су Хэлэна. Если тот не шутил и все одиннадцать братьев действительно были рождены от любовниц, то это же классический сюжет про грязное белье богатых семейств. Но почему тогда Су Хэлэн живет в такой старой конуре, гоняет целыми днями на Девяточке с гопниками, и вообще непонятно, на какие шиши существует?

Он хотел было расспросить подробнее, но Су Хэлэн явно не горел желанием развивать тему и перебил его:

— Видеть его тошно, и говорить о нем тошно. Давай без лишних вопросов, женушка.

Ань Эню пришлось отступить. Видимо, они еще недостаточно долго вместе. Вот когда он окончательно захомутает этого мужика, тот не только про семью — про то, сколько раз в детсаду в кровать дул, отчитается.

Заметив, что Ань Энь застыл столбом, Су Хэлэн предложил:

— Ну что, пойдём спать? Тебе же на пары до обеда, прикорни хоть немного.

В голове у Ань Эня зароились шальные мыслишки:

— ...Ой, ну ладно.

Су Хэлэн размашисто прошагал к балкону и задернул шторы в гостиной. Старая ткань просвечивала, но утренний свет всё же поутих. Обернувшись, он без капли стеснения стянул через голову футболку, бросил её на спинку дивана, затем расстегнул ремень, и брюки с шорохом соскользнули вниз. Пинок — и они отлетели в сторону.

На нем остались только трусы.

Су Хэлэн вечно отирал углы на улице, под ветром и солнцем, но кожа у него оказалась удивительно светлой. Он не был перекачанным качком из спортзала — скорее поджарым: широкие плечи, узкая талия, четкие кубики пресса и прямые длинные ноги.

Ань Энь приоткрыл рот и тут же поспешно его захлопнул.

Боже, ну почему у него даже фигура такая топовая? Он непроизвольно сглотнул, а взгляд, словно примагниченный, никак не желал отрываться от его тела, особенно от одного конкретного места... Хоть оно и было скрыто тканью, контуры...

Нет-нет-нет.

Ань Энь изо всех сил старался туда не смотреть, но глаза жили своей жизнью, напрочь игнорируя команды мозга.

Если верить закону о том, что когда Бог открывает дверь, он закрывает окно, то при такой внешности и фигуре у Су Хэлэна обязан быть какой-то изъян.

«... Только не это, Господи, умоляю тебя, только не это», — взмолился про себя Ань Энь.

«Хоть бы там всё не оказалось крошечным!»

От этих мыслей он едва не впал в панику. Наконец-то нашел красавца с идеальным телом, и если «железо» подведет, то как вообще жить дальше? На диете святого духа всю жизнь сидеть?

Ань Энь истошно орал внутри себя, из последних сил сохраняя остатки самообладания на лице.

Су Хэлэн, совершенно не подозревая, что его подвергают тотальной инспекции, уже завалился на большую кровать в гостиной. Стоило ему нырнуть под одеяло, как Ань Энь, всё ещё пребывавший в астрале, услышал:

— Женушка?

Су Хэлэн откинул край одеяла и похлопал по матрасу рядом с собой:

— Иди ложись, чего стоишь?

— А... да. — Ань Энь медленно подошел ближе. — Ты прямо здесь, в гостиной спишь?

— Ага, хата мелкая.

Ань Энь встал у края кровати и посмотрел сверху вниз. Су Хэлэн лежал с обнаженным торсом, нижняя часть тела была скрыта одеялом, а на лице застыло какое-то безоружное, чистое и невинное выражение.

«Мать твою, в горле пересохло... Как же хочется его сожрать».

Ань Энь облизнул губы и осторожно присел на край, едва касаясь его краешком ягодицы.

— ...Мне тоже раздеваться?

— Тоже? — Су Хэлэн усмехнулся. — Муженек привык спать голышом, а женушка может не раздеваться. У тебя же там пижама под курткой?

Ань Энь:

— Оу...

Он снял ветровку, бросил её на табуретку и добавил:

— Но я в этой пижаме полдня пыль на улице собирал... Боюсь постель тебе испачкать.

— О чем ты только думаешь? Да будь ты хоть весь в грязи, муженек не против, если ты поваляешься в его кровати.

Су Хэлэн загреб Ань Эня в охапку, укутал в одеяло и пристроил подбородок на его макушке:

— Спи давай.

Сказал — и действительно закрыл глаза.

Ань Энь с недоверием обернулся и уставился на Су Хэлэна, чье дыхание уже стало ровным, а ресницы даже не дрожали. От злости у него аж в груди закололо.

Слышь, парень.

Тебе девятнадцать, а не сорок девять. Все условия соблюдены: ночь, кровать, любимый человек под боком — и ты вот так просто заснул?! Затащить в постель такого милого и мягкого парня, а потом вырубиться за секунду? Как тебе не стыдно с таким-то телом? Как тебе не стыдно перед тем, что у тебя в трусах... Так, стоп, это цензура не пропустит.

Внутри Ань Эня бушевал ураган.

Зачем он вообще ломался, раздеваться или нет? Надо было сразу скидывать всё и нырять к нему под бок, чтобы хоть кожей к коже прижаться.

А теперь — приехали. Через слой одежды, ни туда ни сюда...

ТЬфу.

Неужели инициатива должна исходить от него, от «нолика»? Су Хэлэн что, импотент? Хе, ну и ладно, не очень-то и хотелось. Ань Энь не настолько изголодался. Двадцать два года воздержания за плечами — подождет еще немного.

Ань Энь закрыл глаза, пытаюсь уснуть.

Через тридцать секунд он их открыл.

Попытка провалена.

Ань Энь всё-таки изголодался.

Мысленно обругав себя, он прочистил горло:

— ...Кхм. — Ань Энь уставился на четкую линию челюсти Су Хэлэна, стараясь придать голосу максимально безразличный тон. — Су Хэлэн, ты ведь... так ни разу и не поцеловал меня после того, как сделал пирсинг в языке.

Су Хэлэн открыл глаза. В полумраке они ярко блеснули. Он молча смотрел на Ань Эня с невозмутимым видом, и было совершенно непонятно, о чем он думает.

От этого взгляда сердце Ань Эня пустилось вскачь. Набравшись смелости, он смущенно закончил:

— Ты ведь ради меня его сделал, разве нет?

— Ага.

Су Хэлэн отозвался, наклонился и — чмок.

Быстро клюнул Ань Эня в губы.

Весь процесс занял меньше доли секунды. Скорость невероятная, касание — невесомое. Словно стрекоза крылом задела, только еще более лениво.

Чмокнув, Су Хэлэн снова закрыл глаза и произнес тоном, от которого можно было полезть на стенку:

— Всё, женушка. Спи дальше.

Ань Энь: — ...

Это что, всё?

— Ты ради этого пирсинг делал? Чтобы вот так меня целовать? Да от него же никакого толку!
— возмутился Ань Энь.

Су Хэлэн тяжело вздохнул. В этом вздохе было столько обреченности, будто он не с парнем милуется, а отбывает каторгу.

Он снова открыл глаза и спросил:

— Ну и как тогда, по-твоему, муженек должен тебя целовать?

<http://bllate.org/book/18164/1743502>